

Мы довольно плохо знаем наше недавнее прошлое. Если начать вспоминать, что произошло до войны и сразу после нее, то одни будут говорить об индустриализации, коллективизации, трудовом подъеме, другие же – о массовых репрессиях и голоде. Все это было. Но для того, чтобы знать свою историю по-настоящему, человек должен ясно представлять себе ушедшее время во всех его проявлениях, во всех областях жизни. История науки – важнейшая отрасль знания: наука предстает не как набор непреложных истин, а как борьба за их установление. – тяжелая, далеко не всегда ведущаяся джентльменскими методами. Широко известна трагическая история советской биологической науки: борьба Лысенко и присных с генетиками, арест и гибель всех противников учения, признанного единственно верным с высокой трибуны. Значительно хуже известна история отечественного языкознания. Правда, появившиеся за последние 15 лет книги В.Г. Ларцева (1988) о Поливанове, В.М. Алпатова (1991) и М.В. Горбаневского (1991) о Марре, В.М. Алпатова и Ф.Д. Ашнина (1994) о "деле славистов" отчасти ликвидируют этот пробел. Но в них нет еще цельной картины отечественного языкознания XX века.

Для того, чтобы такая работа могла, наконец, появиться, необходимо собрать достаточное количество источников из малодоступных изданий и архивов, сделать их доступными для исследователей. Этой цели и служит рецензируемая хрестоматия. Весь материал в ней разбит по главам: "Перед заходом солнца" (лингвистические работы конца 20-х гг.), «На "языковедном фронте"» (статьи участников сборника "Языкфронт"), "Против буржуазной контрабанды в языкознании" (отдельные работы из одноименного сборника, гремящего "языкфронтовцев"), "Яфетические зори" (Марр и его безусловные последователи), "Марксизм и вопросы языкознания" (дискуссия 1950 г., завершенная одноименной брошюрой Сталина), "Как это было: воспоминания". Такое разделение, безусловно, внутренне строго логично: 20-е гг. – это поиски новых путей в лингвистике, попытки вырваться из старых парадигм младограмматиков и школьных грамматик. Среди попыток построить новое языкознание особую роль сыграла так называемая "яфетическая теория", созданная Н.Я. Марром. Марр критиковал индоевропейскую лингвистику еще до Октябрьского переворота, затем же объявил, что его теория есть подлинно марксистское языкознание и стал громить

традиционную лингвистику как "буржуазную расистскую индоевропеистику". Начав с утверждения о родстве иберийско-кавказских ("яфетических") языков с семито-хамитскими, Марр дошел и до пресловутого "четырёхэлементного анализа". Молодые языковеды (Т.П. Ломтев, Г.К. Данилов, М. Гус, Э.К. Дрейзен), которых отталкивали крайности марровского учения, объединились в группу "Языкфронт" и стали критиковать как традиционную компаративистику, так и марровское "новое учение о языке". Марристы ответили на это обвинением в "буржуазной пропаганде" и одержали победу. "Языкфронт" был разгромлен, некоторые его члены были репрессированы (впрочем, как и некоторые марристы: сталинский каток проехался и по победителям, и по побежденным). Следующий важный этап отечественного языкознания – дискуссия 1950 г и последовавшая за ней реабилитация сравнительно-исторического языкознания; после этого отечественное языкознание эволюционировало без особых потрясений. Воспоминания же современников об этих эпохах уточняют общую картину, делают ее объемной. Тому же служит и прилагаемая к первым четырем разделам "Хроника научной жизни".

Как же оценивают историю советского языкознания сами составители? В.Н. Базылев и В.П. Нерознак прокомментировали название своей антологии следующим образом: сумерки, согласно Далю и Евгеньевой, – это время как перед наступлением ночи, так и перед рассветом. "Тем самым название нашей книги должно удовлетворить как оптимистов (сумерки – это полусвет), так и пессимистов (сумерки – это полумрак)" (с. 3). Справедливо, но все-таки у слова "сумерки" в русской, да и не только в русской традиции есть вполне определенная оценочная компонента. Сумеречное состояние души – вовсе не предрассветное; последняя часть вагнеровской тетралогии – "Götterdämmerung" – это именно "Сумерки богов", преддверие их гибели (хотя немецкое Dämmerung может переводиться и как "сумерки", и как "рассвет"). Таким образом, название книги настраивает читателя скорее на пессимистический лад. Но жизнь – не смена дня и ночи. И за сумерками может внезапно забрезжить свет.

Составители справедливо предостерегают от однобоких оценок периода 1918–1957 гг. в языкознании. Наука развивается в силу традиций, и любое новаторство может существовать лишь в рамках традиции. Традиции лингвистов 20–40-х гг., безусловно, определяют многое в нынешней науке, достаточно

вспомнить хотя бы фонологию. Зародившись в конце XIX в., она бурно развивалась именно в 20–30-е гг., когда ей приходилось давать ответы на насущный вопрос: как создавать письменность для бесписьменных ранее языков и языков, пользовавшихся несовершенной графикой. По мнению авторов, существовали три устойчивые традиции отношения к указанному периоду: конформистски-националистический (после появления работ Сталина), конформистски-монистический в 50–70-е гг., плюралистически-пессимистический в 80–90 гг., с преобладанием мрачных оценок. Нижняя временная планка данного периода – 1918 г. – бесспорна: первый год после революции. Что же касается верхней, то она более условна; В.Н. Базылев и В.П. Нерознак связывают ее с окончанием "сталинского" периода, обращением отечественных языковедов к достижениям зарубежной науки.

По мнению составителей, в рассматриваемый период существовали следующие парадигмы.

Во-первых, сложившиеся еще до революции Московская, созданная Ф.Ф. Фортунатовым, и Петербургская (ставшая Ленинградской), созданная И.А. Бодуэном де Куртене, лингвистические школы. Несмотря на отъезд из России ряда выдающихся ученых, обе школы развивались весьма успешно, особенно Московская. На наш взгляд, следовало бы подчеркнуть, что вплоть до начала 30-х гг. уехавшие из России ученые поддерживали связь с соотечественниками; находясь в различных странах, они достойно развивали традиции своих учителей. Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой создали Пражскую фонологическую школу, которую В.К. Журавлев остроумно назвал "позиционным вариантом" Московской. Сложнее была судьба Ленинградской школы. Академик Л.В. Щерба во многих вопросах отошел от традиций Бодуэна. Более близкий к этим традициям Е.Д. Поливанов был репрессирован; большая часть его публикации увидела свет после 1957 г., а многие работы погибли. Заметим, что труды Поливанова по фонологии, опубликованные при его жизни в СССР и за рубежом, сыграли немаловажную роль в становлении Пражской школы: сформулированные в них понятия о дивергенции и конвергенции фоном были обобщены затем в "Принципах исторической фонологии" Якобсона. В.В. Виноградов, близкий по взглядам к Л.В. Щербе, создал в Москве свою школу, по преимуществу занимавшуюся лексикографией и лексикологией, конкурировавшую с Московской.

Во-вторых, это представители "нового учения о языке", и прежде всего Н.Я. Марр. Дея-

тельность этих языковедов характеризовалась резким разрывом с традицией, яростной критикой индоевропейского (шире – сравнительно-исторического) языкознания как "реакционной буржуазной лингвистики", жонглированием марксистскими терминами. Сам Марр утверждал, что языки не возникают из праязыка, а должны слиться в будущем в единый язык коммунистического человечества. Основные положения школы Марра – единство глоттогонического процесса, соответствие языка общественно-экономической формации и происхождение всех слов в любом языке мира из четырех элементов – *sal, ber, roš, ion*.

В-третьих, это те парадигмы, которые составители называют маргинальными: феноменология языка (Г.Г. Шпет), лингвистическое направление, тесно связанное с философией имяславия (П.А. Флоренский, С.Л. Франк, В.Ф. Эрнст, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев). Авторы предисловия оценивают их достаточно высоко. В работах Шпета [1931; 1996] намечены те проблемы, которые затем рассматривались философскими школами герменевтики: природа слова, слово с точки зрения его внутренней структуры и внешних связей, проблема понимания слова (см. [Рикёр 1994]). Что же касается "имяславной" парадигмы, то в ней предпринята попытка связать слово с первоосновами бытия, выявить в нем черты Абсолютного. Все это справедливо, но важно подчеркнуть, что западная школа феноменологии и герменевтики, питаясь из того источника, что и лингвофилософия Шпета (в философии – теория Э. Гуссерля, в лингвистике – учение В. фон Гумбольдта), развивалась независимо от Шпета. Следовательно, при всех заслугах этого замечательного философа, ему нельзя приписать очень большого влияния на отечественную философию и лингвистику¹. Что же касается лингвистической философии Лосева, то она отличается цельностью и продуманностью. Но автор прекратил ее разработку в том виде, в каком она представлена в книге 1927 г. Это объясняется тем, что А.Ф. Лосев был исто-

¹ Влияние на развитие советского языкознания скорее оказал Густав Густавович Шпет как личность, один из руководителей Московского лингвистического кружка, мудрый и неутомимый наставник лингвистической молодежи, обучавший ее основам научной методологии. Ср. характерное замечание из дневника А.А. Реформатского: "Опять же мысли текут к Декарту, до чего же сей муж был умен!.. Спасибо Шпету и Асмусу, научившим меня любить Декарта" [Реформатский 1987: 262].

православным человеком, а православная церковь признала имяславие ересью. И лишь в 60–70-е гг. XX в. вновь вернулся к проблематике своей старой книги (см. [Лосев 1968; 1982; 1983; 1989]), выступая, однако, не как философ языка, а скорее как методолог языкознания. Таким образом, приходится утверждать, что философско-религиозная парадигма отечественного языкознания была не только маргинальной, но и незавершенной. Кроме того, не следует забывать, что "Философия имени" Лосева – это труд именно философский, а не лингвистический (в отличие от его цитируемых работ), хотя и содержащий много интересных наблюдений и над основными лингвистическими понятиями.

Еще одна маргинальная парадигма – лингвистический "авангард" (В. Хлебников, А. Кручёных, А. Туфанов, И. Терентьев). Главная идея этих лингвистов-футуристов состоит в том, что значение и звучание слова по сути тождественны. Мысль не новая и вполне еретическая с точки зрения традиционной лингвистики; ее отстаивал Бальмонт в своей известной статье "Поэзия как волшебство". Однако толкования Бальмонта выглядят еще более надуманно, чем у футуристов, так как, в отличие от них, он старался приписать значения изолированным звукам. В отличие от него, футуристы обращались к потокам звуков. Поэтому, при всей ошибочности их основных выводов, они сделали интересные наблюдения над стиховой фоникой. Не следует забывать, что Р.О. Якобсон начинал свою деятельность именно как поэт-футурист. Эта школа сыграла большую роль в становлении его как стиховеда и фонетиста. Но большинство футуристов осталось на донаучной стадии постижения языка. И здесь В.П. Нерозанк и В.Н. Базылев сделали очень тонкое и глубокое замечание о схождениях этой маргинальной парадигмы с доминирующей марровской. Их объединяет попытка отыскать некоторые общие законы человеческой речи, пренебрежение к языку на "первоатомы" и пренебрежение к научным методам. И футуристы, и марристы заменяли анализ материала вдохновением². К этому можно добавить удивительное сход-

ство стиля некоторых сочинений И.Г. Терентьева и Н.Я. Марра. В самом деле, сравним высказывания: "Кто может сомневаться, что нелепость, чепуха, голое чудо, последствия творчества!" (И.Г. Терентьев, с. 21³) «Я не буду настаивать на том, что "узрюли"⁴ означает – "ноздри льва", может быть, это "глазища"... но произносительный пафос этого слова, одинаковый почти у всех чтецов, доказывает основную правильность догадки: торжественный зверь смотрит, раздувая ноздри» (он же, с. 23); и: "Кому Милосская Венера, да Владимир Красно Солнышко, а кому богиня Мотыга (? – К.К.) или, что то же, богиня Рука, да Свинья Красно Солнышко" (Н.Я. Марр, с. 220); «А впрочем, кто установил, что в такой же мере не общи по происхождению именно у украинского (да пусть и у русского) языка с грузинским, мегрельским, чанским, сванским и т. д. сами слова и из примеров, приведенных выше по тому же звуковому явлению, так, например, основа грузинского глагола ფიფ, народн. ფიფ "клясться"?» (он же, с. 228).

Как видим, и для не имевшего научных рангов И.Г. Терентьева, и для вице-президента АН СССР Н.Я. Марра характерны: слабая согласованность слов в предложении, стремление нагромоздить как можно больше однородных членов предложения, подмена доказательств риторическими сомнениями. Представляется, что все это – следствие одержимости сверхценной идеей, которая для ее носителя так ярка и несомненна, что требует не аргументов в свою пользу, а лишь манифестации. Общим является и стремление выявить новые слова путем всевозможных комбинаций из старых. Для Марра это упомянутые выше "первослова" (греч. Ὀλβία, этимологически "счастье" и лат. *Alba* "белая", как и имя грузинского городка *Orbel* – сочетание *sal + ber*), а для Терентьева – слова русского языка, произвольно им вычленяемые: так, в "Евгении Онегине" (1, XI) он находит "заумное" *мокужон* (мог уж он).

И здесь мы переходим к чрезвычайно важному вопросу: есть ли за этими фантастическими построениями хоть какая-нибудь ценность? Составители собрали большой материал, свидетельствующий о том, что тео-

² Это утверждение справедливо по отношению к футуристам, чьи работы представлены в антологии, и чьи имена упомянуты в "Предисловии". Однако среди участников группы ЛЕФ были и серьезные филологи. Так, монографическая статья О.М. Брика "Ритм и синтаксис" написана вполне в традиционном духе; она является вкладом и в лингвистику, и в теоретическую поэтику.

³ Указываются страницы рецензируемого издания.

⁴ Имеется в виду "слово", которое Кручёных, Терентьев и его единомышленники выловили у Пушкина: "Узрю ли русской Терпсихоры // Душой исполненный полет?" ("Евгений Онегин", 1, XIX).

рия Марра, при всей ее иррациональности (точнее сказать – абсурдности) не полностью отвергнута современной наукой.

Так, Т.В. Гамкрелидзе [1988] отмечал, что "четырёхэлементный анализ" Марра напоминает генетический код: ДНК, управляющая генетическим кодом любого организма, является комбинацией из четырех молекул, так называемых нуклеотидов; аминокислота белка соответствует "триплету" (сочетанию трех из четырех нуклеотид), ср. трехфонемность "первозлементов" Марра. По мнению Т.В. Гамкрелидзе, мы имеем здесь дело с интуицией ученого, приблизившегося к истине вне научным путем. Подобная же интуиция руководила древнегреческими философами, видевшими мир как сочетание четырех "первозлементов", создателями китайской книги "И Цзинь" с их четырьмя комбинациями мужского начала *ян* и женского *инь*. Марр сравнивается с древними натурфилософами.

П. Серию подчеркивает, что критическое отношение к индоевропейской лингвистике было свойственно не только школе Марра. Н.С. Трубецкой и (в меньшей степени) Р.О. Якобсон в 20-е гг. сосредоточили свои усилия на изучении языковых контактов. Первый выдвинул понятие "аллогенетического родства" и рассматривал праязык скорее как набор ареально-типологических характеристик, свойственных для всех языков, входящих в данную семью⁵.

В.М. Жирмунский [1976: 8–9] указывал на то, что у Марра есть отдельные ценные идеи: отказ от "евроцентризма" (под этим термином автор, по-видимому, подразумевает попытки строить грамматику разноструктурных языков только по образцу европейских), типологическое сравнение языков вне зависимости от их происхождения, "стадиально-типологическую точку зрения на развитие языка", семантический подход к явлениям грамматики. Г.А. Климов также отмечает заслуги школы Марра в становлении континентивной типологии [Климов 1981: 107].

Вяч.Вс. Иванов [1976] и Ю.С. Степанов [1998] видят в Марре предшественника некоторых направлений семиотики. Так, по мнению Ю.С. Степанова, Марру принадлежит открытие закона "функционального переноса": новый артефакт обозначается именно тем значком, которым маркировался ста-

рый, равный по функции артефакт: так, франц. *chauffeur*, дословно "истопник, кочегар" (в том числе при паровом двигателе) стало обозначать водителя автомобиля с двигателем внутреннего сгорания [Степанов 1998: 85]. А Вяч.Вс. Иванов ставит Марру в заслугу то, что он указал на важность порядка слов для типологии и установил большую древность оборота 'у него есть' по сравнению с 'он имеет' [Иванов 1976: 56].

Все эти аргументы стоят того, чтобы остановиться на них подробнее. Сравнение марровской модели языка с генетическим кодом, как представляется, довольно малоинструктивно, так как само по себе количество "первозлементов" ничего не говорит об их семантике, синтактике и прагматике. Вообще, сходство языкового и генетического кода было, по-видимому, преувеличено Р.О. Якобсоном [Jakobson 1974; Якобсон 1985], который стремился найти как можно более широкие связи лингвистики с другими науками. Выдающийся же биолог Ф. Жакоб [1992] гораздо более сдержанно оценивал параллелизм ДНК и языка, отмечая его элементарный и внешний характер.

О близости же Якобсона и Трубецкого к марризму, конечно, не приходится говорить всерьез, и П. Серию в цитированных работах отмечает лишь некоторый параллелизм. Якобсон вообще никогда не отвергал традиционной компаративистики, а лишь старался дополнить ее данными типологии и ареальных исследований; в его широко известном докладе на конгрессе лингвистов в Осло сохранились дополнения к традиционной методике, но не ее пересмотр [Якобсон 1963]. Недаром же он являлся автором предисловия к своду сравнительной языковедения Гамкрелидзе–Иванова [Якобсон 1984]. Трубецкой же, предложив свою модель праязыка как типологического образования, на практике (в исследованиях северокавказских и старославянского языка) выступал как традиционный компаративист. В.К. Журавлев полагает, что его "Книгой жизни" явилась так и не написанная им грамматика праславянского языка [Журавлев 1991]. Этот идиом Трубецкой рассматривал как язык в пространстве и времени. Следовательно, его исследования по индоевропейстике явились пересмотром конкретных результатов, полученных языковым сравнением, но не методологии в целом.

Континентивная типология и семантический подход к грамматике связаны с именем не столько Марра, сколько его ученика И.И. Мещанинова. В работах самого Марра гораздо больше "палеонтологии речи", чем сравнительного анализа грамматических систем.

⁵ Составители ссылаются на статью [Серию 1995]. Но взгляды швейцарского лингвиста гораздо полнее изложены в его книге [Seriot 1996], в настоящее время изданной и по-русски [Серию 2001].

И.И. Мещанинов в начале своей научной деятельности придерживался идеи стадияльной типологии (полагая, что каждый язык должен пройти определенные типологические стадии в своем развитии), но после 1945 г. фактически от этого отказался. Его позднейшие работы – это синхронно-типологические исследования, не претендующие на установление этапов языковой эволюции. Надо учесть также, что И.И. Мещанинов вдохновлялся в своих конденсивных исследованиях отнюдь не только Марром. Его теория частей речи в конечном итоге восходит к А.А. Шахматову, а представление о "понятийных категориях" – к О. Есперсену.

Закон функционального переноса открыт вовсе не Марром; о нем писал один из основателей сравнительно-исторической семантики М.М. Покровский [1959]. У Марра есть интересные наблюдения над отдельными случаями переноса, причем не только языкового, но это еще не собственная теория. Типология же порядка слов рассматривалась еще классиками младограмматизма. Так, Я. Вакернагель в своей классической работе показал, что тяготение глагола к позиции после субъекта характерно для утвердительных предложений [Wackernagel 1892: 98]. К. Бругман классифицировал предложения в зависимости от порядка слов так: повествование – начальная позиция глагола (из примеров Бругмана следует, что таковы только предложения зачина), повеление – также, описание и суждение – конечная позиция. При утверждении возможна и срединная позиция глагола [Brugmann 1922: 683–684]. Несколько иначе рассматривался порядок слов в трудах Дж. Гринберга. По его мнению, положение глагола в предложении имплицитно и иные типологические черты: языки с порядком OV характеризуются препозицией определения и неразвитостью гипотаксиса, тогда как при VO определение ставится после определяемого, а система относительных предложений получает развитие [Гринберг 1968]. Выводы эти были сделаны без опоры на работы Марра, в которых нет и намек на нечто подобное. См. [Lehmann 1974] – применение импликаций Гринберга к индоевропейскому материалу.

Наконец, некоторые представители смежных наук считают, что Марр внес свой вклад в изучение первобытного общества, древнего сознания и т. д., сравнивая его с выдающимися учеными Л. Леви-Брюлем и Дж. Фрэзером. Действительно, Марр много занимался этим вопросом, и в его работах есть идеи верные и есть новые. Но верные положения заимствованы из работ того же Леви-

Брюля⁶ и Э. Тейлора, а новые – о классах в первобытном обществе, о языке как трудмагической (?) деятельности, – трудно назвать обоснованными.

Итак, в "сухом остатке" построений Марра по сути ничего не остается. Если не считать ранних работ по армяно-грузинской филологии и грамматике некоторых кавказских языков, ничем он не обогатил науку. Почему же ряд авторитетных лингвистов ищет в его трудах открытия? Думается, что это – скорее психологический феномен, чем научный. Классическое сравнительно-историческое языковедение есть порождение вполне определенной общенаучной парадигмы XVIII–XIX вв. с ее рационализмом, стремлением к наиболее полному и беспристрастному описанию отдельных объектов в их эволюционном развитии, к нахождению причин эволюции. Особенность же человеческой психики такова, что она не может удовлетвориться только рациональными и каузальными построениями, она тяготеет к иррациональности и телеологии. Нелишне вспомнить, что в XX веке подвергалась критике и детерминистская теория естественного отбора [Берг 1923; Любичев 1982], и физические модели Вселенной (поиск "торсионных полей", следов акта творения мира; [Петухов 1999]⁷). В этой парадигме, представляющей собой реакцию на рационализм предшествующей, марризм и явился своего рода дополнением к традиционной лингвистике. Его устремленность к магии и магические методы исследования, очевидно, представляют определенную привлекательность для неудовлетворенных теми ограничениями, которые строгая наука накладывает на свой объект. Универсализм Марра, его претензии на решение всех проблем, связанных с происхождением и эволюцией языков мира, соотношением языка и мышления, языка и общества, тоже доставляет ему сторонни-

⁶ Справедливости ради заметим, что разделяемая Марром идея Леви-Брюля об особом дологическом этапе человеческого мышления едва ли верна. Мышление – процесс очень многомерный; первобытному и современному человеку в равной степени свойственны и логическое и внелогическое мышление, проявляющееся в разных ситуациях.

⁷ Мы отнюдь не ставим равенства между выдающимися трудами Л.С. Берга и А.А. Любичева и популярной, довольно фантастической книгой В.Н. Петухова, не говоря уже о измышлениях Марра. Общим у всех этих сочинений является недоверие к рационализму и детерминизму.

ков среди ученых, пытающихся решить глобальные лингвистические и философские проблемы (а большинство выше процитированных лингвистов и философов именно таковы). Автор одной из лучших отечественных книг о Марре В.М. Алпатов назвал ее с удивительной точностью: "Марр: История одного мифа" (М., 1991). Марризм – это миф со всеми чертами этого явления.

Но, конечно, марризмом советская лингвистика 20–50 гг. не ограничена. Ряд ученых не поддерживали марризм и выступали с позиций традиционной лингвистики. Это Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков и др. Но они в хрестоматии как раз не представлены. И это вовсе не недостаток. Составители с полным основанием объединяют под понятие "сумерок" именно те направления советской лингвистики, которые сознательно порывают с традицией, и перечисляют их общие черты: веру в появление грядущего всеобщего языка, осознание своего времени как периода великих перемен, установка на эпатаж⁸, резкое неприятие буржуазной лингвистики, восторженное отношение к марксизму (И. Терентьев говорил, что перевел Маркса на заумный язык). Из этих черт, на наш взгляд, важнейшими являются две последние. Труды "Языкфронта" и Р.О. Шор (в том числе приводимая в "Хрестоматии" статья "Кризис современной лингвистики") написаны академическим стилем, не декларируя возникновения всеобщего коммунистического языка. Но в них содержится традиционный набор обвинений в адрес буржуазного языкознания, и прежде всего индоевропейского. Так, Р.О. Шор утверждала, что данные экспериментальной фонетики грозят затмить основной предмет их исследований – фонему, а тщательное исследование диалектов, говоров и т. д. (с. 47–50). Решение же кризиса она видела по сути в возвращении к гумбольдтовской лингвистике (с. 66), не разъясняя, правда, как последняя может помочь в различении фонем и аллофонов. Т.П. Ломтев, обличая буржуазное языкознание, не удовлетворялся и яфетидологией, считая, что Марр и его последователи сдела-

ли только первый шаг в построении марксистской лингвистики. Самым суровым обвинением в адрес оппонента был упрек в незнании или искаженном понимании им идей Маркса-Энгельса-Ленина: «Итак, что такое язык по Марру? Язык – социальная надстройка и только... Специфика языка исследователем ни в какой мере не выясняется, хотя эта специфика и дана уже в выражении Маркса "язык есть практическое действительное сознание"» (Г.К. Данилов, представитель "Языкфронта", с. 95); «"Левый" загиб на ярком примере с "Языкфронтом" тесно переплетается с правой опасностью. По своей методологической "платформе" и политическим взглядам эта группа представляет собой право-левацкую эклектику, беспринципный "блок"» (Ф.П. Филин, с. 133). Главный аргумент, как видим, один и тот же: соответствие (вернее, несоответствие) оппонента догме. Разница же тона в текстах Г.К. Данилова и Ф.П. Филина объясняется разным отношением к оппоненту. Для Г.К. Данилова и его товарищей по "Языкфронту" марризм был необходимой, но уже пройденной попыткой построить подлинно марксистское языкознание. Следующий шаг должны были сделать именно они. Для правоверного же в то время марриста Ф.П. Филина и его единомышленников "языкфронтовцы" представлялись опасными конкурентами, с которыми нужно было поступить в духе эпохи (Г.К. Данилов был впоследствии расстрелян, а Т.П. Ломтев – вынужден уехать из Москвы). Вполне понятно, почему яфетидология практически исчезла после дискуссии 1950 г.: против нее высказался, так сказать, наместник Маркса на земле. Подчиняясь императиву *Ipse dixit*⁹, марксисты-языковеды признали свои марровские ошибки не за страх, а за совесть. Впрочем, после разоблачения культа Сталина, в 70–80-е гг. некоторые марристы стали пытаться реабилитировать Марра и его учение. Направленная против таких ползновений книга Б.А. Серебrenникова [1983] была изъята из продажи.

В целом, антология "Сумерки лингвистики" отличается удачным подбором материалов. Необъятного не обнять, и можно было бы пожалеть об отсутствии в ней многого: ряда программных статей футуристов-теоретиков (в том числе указанной в примечании 2 работы О.М. Брика), материалов "поливановской" дискуссии в Комакадемии 1929 г.

⁸ Последнее есть характерная черта всякого модернизма (в том числе и постмодернизма). М.И. Шапир [1990] точно заметил, что авангард (он же модернизм) в искусстве создает не новую поэтику, а новую риторику как систему воздействия на читателя. Одним из важнейших приемов этой риторики является именно эпатаж. К научному модернизму это приложимо в высшей степени.

⁹ "Сам сказал": главный аргумент в философской школе пифагорейцев – ссылка на мнение самого Пифагора.

(опубликованы в [Поливанов 1991]) и сборника "За марксистское языкознание": в них содержится суровая оценка марровского "нового учения о языке" не с позиций "новейшего", а с точки зрения строгой науки. Кстати сказать, сборник "Против буржуазной контрбанды в языкознании" в значительной мере был направлен именно против Поливанова. В разделе "Как это было" перепечатаны из сб. "Восток–Запад" (М., 1988) воспоминания О.М. Фрейденберг о Марре, написанные вполне апологетически. Но в том же сборнике публикатор Н.В. Брагинская отмечает, что в архиве О.М. Фрейденберг содержатся значительно менее восторженные отзывы о Марре, отмечается его больший интерес не к науке, а к так называемой общественной деятельности. Идеальным было бы воспроизвести и этот материал в рецензируемой антологии; если нет такой возможности, следовало бы хотя бы упомянуть о нем.

Комментарий к антологии содержателен и интересен, но не исчерпывающ: так, следовало бы, очевидно, подробнее рассказать о РАНИОНе, часто упоминаемом в основной и справочной частях книги. Не все имена, упомянутые в тексте, отражены в комментарии. Так, естественным было бы упомянуть не только авторов публикуемых статей, но и тех, о ком они пишут: читатель остается в неведении относительно того, кто такие: Лукашевич (автор одиозной книги "Чаромутие"?), Корнеева-Петрулян (с. 127), Е. Спиридович (с. 160). Впрочем, и подбор сведений об упомянутых персонажах не всегда полон. С.Б. Берштейн на момент выхода антологии имел не только дату рождения, но и, к сожалению, дату смерти (1997 г.). Несвободна антология и от опечаток. Особенно досадно читать в заголовке и колоннитулах: *Б.А. Серебрянников* (с. 416–418).

Но, как говорится, на пашне не без огрешков. Составители антологии проделали большую работу. Впервые советская лингвистика 20–50 гг. оказалась так подробно представлена в одной книге. Насколько тогдашние парадигмы актуальны сейчас, в постсоветское время? Думается, что на этот вопрос ответит будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991 – *В.М. Алпатов*. Марр. История одного мифа. М., 1991.
- Алпатов, Ашнина 1994 – *В.М. Алпатов, Ф.Д. Ашнин*. Дело славистов. М., 1994.
- Берг 1923 – *Л.С. Берг*. Номогенез. М., 1923.
- Гамкрелидзе 1988 – *Т.В. Гамкрелидзе*. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // *ВЯ*. 1988. № 3.
- Горбаневский 1991 – *М.В. Горбаневский*. В начале было слово... (Малоизвестные страницы из истории советской лингвистики). М., 1991.
- Гринберг 1968 – *Дж. Гринберг*. Некоторые универсалии, касающиеся порядка слов в предложении // *Новое в лингвистике*. 1968. Вып. 6.
- Жакоб 1992 – *Ф. Жакоб*. Лингвистическая модель в биологии // *ВЯ*. 1992. № 2.
- Жирмунский 1976 – *В.М. Жирмунский*. Общее и германское языкознание. М., 1976.
- Журавлев 1991 – *В.К. Журавлев*. Язык. Языкознание. Языковеды. М., 1991.
- Иванов 1976 – *Вяч.Вс. Иванов*. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
- Климов 1981 – *Г.А. Климов*. Типологические исследования в СССР: 20–40-е гг. М., 1981.
- Ларцев 1988 – *В.Г. Ларцев*. Евгений Дмитриевич Поливанов. М., 1988.
- Лосев 1968 – *А.Ф. Лосев*. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.
- Лосев 1982 – *А.Ф. Лосев*. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лосев 1983 – *А.Ф. Лосев*. Языковая структура. М., 1983.
- Лосев 1989 – *А.Ф. Лосев*. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // *Теория и методология языкознания: Методы исследования языка*. М., 1989.
- Любищев 1982 – *А.А. Любищев*. Проблемы формы и систематики в биологии. М., 1982.
- Петухов 1999 – *В.Н. Петухов*. Тайны пространства и времени. М., 1999.
- Покровский 1959 – *М.М. Покровский*. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Поливанов 1991 – *Е.Д. Поливанов*. Введение в языкознание для востоковедных вузов. М., 1991.
- Реформатский 1987 – *А.А. Реформатский*. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Рикёр 1994 – *П. Рикёр*. Конфликт интерпретаций. М., 1994.
- Серебрянников 1983 – *Б.А. Серебрянников*. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. М., 1983.
- Серио 1995 – *П. Серио*. Лингвистика и биология // *Язык и наука конца XX века*. М., 1995.
- Серио 2001 – *П. Серио*. Структура и целостность. М., 2001.
- Степанов 1998 – *Ю.С. Степанов*. Язык и метод. М., 1998.

- Шапир 1990 – *М.И. Шапир*. Что такое авангард // Даугава. 1990. № 9.
- Шпет 1931 – *Г.Г. Шпет*. Внутренняя форма слова: Вариации на тему В. фон Гумбольдта. М., 1931.
- Шпет 1996 – *Г.Г. Шпет*. Язык и смысл // Логос. 1996. № 7.
- Якобсон 1963 – *Р.О. Якобсон*. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3.
- Якобсон 1984 – *Р.О. Якобсон*. Предисловие к книге: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
- Brugmann 1922 – *K. Brugmann*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Jakobson 1974 – *R. Jakobson*. Linguistics in its relation to other sciences // Main trends of research in the social and human sciences. Paris; Hague, 1970. Part 1: Social sciences.
- Lehmann 1974 – *W.P. Lehmann*. The Proto-Indo-European syntax. Austin; London, 1974.
- Seriot 1996 – *P. Seriot*. La structure et totalité. Paris, 1996.
- Wackernagel 1892 – *J. Wackernagel*. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF 1892. Bd. 1.

К.Г. Красухин